

УДК 378

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

В. С. Рахманин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2017 г.

Аннотация: анализируются последствия Великой Октябрьской революции 1917 г. в сфере высшего образования в России; на материалах социальной статистики раскрываются масштабность, сложности, противоречивость, конфликтность динамики высшего образования, его институциональной структуры, демократической интенции изменений в первые десятилетия Советской власти в сравнении с прошлым и современными процессами.

Ключевые слова: Россия, Российская империя, Великая Октябрьская революция, Советская власть, высшая школа, высшее образование, Воронежский университет, студенты, профессорско-преподавательский состав, государственная политика, политические партии, конфликтогенность, цивилизация, социокультурный фактор, интеллектуальный потенциал.

Abstract: the paper analyses the effects of the Great October Revolution of 1917 on the higher education system in Russia. Social statistics materials are used to demonstrate the scale, the complexity, the inconsistencies and the conflicts of the higher education dynamics, its institutional structure, and democratic aspirations, specific to the changes that took place in the first decades of the Soviet rule in comparison to the past and contemporary processes.

Key words: Russia, Russian empire, Great October Revolution, Soviet rule, higher educational institutions, higher education, Voronezh University, students, academic staff, state policy, political parties, conflictogenity, civilisation, social and cultural factors, intellectual potential.

В начале 20-х годов прошлого века известный философ Семен Людвигович Франк, будучи в эмиграции, упрекал русскую интеллигенцию в том, что, создав революционное идолопоклонство, распространяя веру в спасительность революции, она «в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею пожара», когда «огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих». По его мнению, сила, упорство, демоническое могущество и неизбежность революции «объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей, «красноармейцев» и рабочих шли на смерть, защищая свою святыню «революцию»» [1, с. 116–122].

Метания российской интеллигенции в революциях начальных двух десятилетий XX в., да и последних, общеизвестны. С. Л. Франк прав: исторически достоверно – сила, энергия, «демонизм» революции (любой, а не только российской) прямо пропорциональны интенсивности революционного умонастроения, психологического (рациональ-

ного и иррационального) возбуждения народных масс. Социальные революции в их взаимосвязи с политическими (а таким был Октябрь 1917 г.) – явления грозные. Они – следствие глубоких системных исторических конфликтов, кризисов и сами имманентно конфликтогенны. Методологически несостоятельно упрощать, тем более оглуплять их историю. Любая революция с самого начала обрастает партийно-политическими идеологемами, мифами, легендами, иллюзиями, предрассудками. Российской Октябрьской революции 1917 г. так «повезло», что через них сегодня трудно добраться до правды. Она и сама создавала мифы и легенды; в ней конфликтогенно сталкивались многообразные идеологемы.

Одна из распространенных идеологем, интенсивно тиражируемая в 90-х гг. минувшего века, да и в последние десятилетия (в несколько измененных формулировках), – Октябрьская революция вытолкнула Россию из мирового цивилизационного процесса. Эта идеологема ничего общего не имеет с историческими фактами и спекулирует на подмене их мнениями и односторонними интерпретациями.

Уровень образования населения, его система, структура, социальные ориентации и функции – существенные показатели, измерения и, вместе с тем, факторы цивилизационного статуса и развития страны, нации, государства. Россия до революции 1917 г. отставала по этим характеристикам от большинства европейских стран, США, Канады, Японии. Хотя со времен и благодаря энергии Петра I было сделано многое, однако к началу XX в. три четверти населения было неграмотным. Высшая школа в 1914 г. включала в себя 91 учебное заведение, в которых обучалось 127,4 тысячи студентов. Из них в 12 университетах – 40 776 [2, с. 213, 218]. С 1900 по 1917 г. было открыто только 5 вузов, из них 2 университета (Саратовский и Пермский); в 1915 г. Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Государство оказалось неспособным удовлетворить возросшие экономические и социокультурные потребности индустриально развивающейся страны.

Запросы общества в высшем образовании и потребности экономики в квалифицированных специалистах наталкивались на инертность царского правительства. По подсчетам А. Е. Иванова, после подавления первой русской революции в правительство было подано свыше 150 ходатайств о создании университетов и институтов из более чем 90 городов [3, с. 187–188]. Почти все они были отклонены (за исключением 5). В какой-то мере инертность правительственной политики компенсировалась открытиями общественных и частных учебных заведений высшего типа. Частные коммерческие курсы чаще всего открывались ради прибыли инициаторов. Общественные выполняли просветительские функции. По данным А. Е. Иванова, «вольных» высших учебных заведений к 1917 г. было более 80 [3, с. 100]. Трудно определить, в какой мере они действительно соответствовали полноценному высшему образованию. Некоторые из них славились качеством образования и демократизмом, как, например, Московский городской народный университет им. А. Л. Шияевского, Народный университет в Нижнем Новгороде, Психологический институт в Петербурге, открытый В. М. Бехтеревым. Деятельность «неправительственных» вузов (чаще всего они назывались «курсы высшего типа») строго контролировалась государством.

Женщинам доступ в государственные вузы был существенно ограничен, а слушателям (была такая категория обучающихся) вообще закрыт. Но их потребности и стремления получить высшее образование нарастали. На это откликнулись общественные фонды и частные лица. К 1917 г. насчитывалось более 20 высших женских курсов.

В 15 из них преподавание велось по университетским программам. В Харькове за 10 лет до 1917 г. функционировали Высшие женские курсы Харьковского общества взаимопомощи трудящимся женщинам. Общественные и частные вузы не только открывались, но и закрывались. С 1906 по 1915 г. было закрыто 30 таких заведений, в их числе – 8 женских, среди них и Юрьевские высшие женские курсы университетского типа [4, Приложение № 9, с. 744–746].

Качество обучения и подготовки специалистов в государственных вузах было довольно высоким. Особенно отличались Военно-инженерная и Артиллерийская академия, Военно-морская академия; финансирование их было в 5–5,7 раза выше, чем гражданских вузов. Студентов, обучающихся, говоря современным языком, за счет бюджета, было немного. По разным вузам и источникам вряд ли более 10–12 %. По «Общему Уставу Императорских российских университетов 1884 г.» (статьи 128, 129, 130) с каждого студента и постороннего слушателя взималась плата: «...а) в пользу университета – по пять рублей за каждое полугодие; б) особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями или руководством которых студент или слушатель желает пользоваться». Студенты, получавшие стипендию, находились под особым контролем «по правилам, утвержденным Министерством народного Просвещения». Окончив университет, студент обязан был отработать год за каждый стипендиальный год по назначению.

По Уставам Императорских российских университетов 1835 и 1863 г. ректоры избирались составом профессоров на 4 года и утверждались Высочайшей властью. Проректоры избирались на 3 года и утверждались Министерством Просвещения. Устав 1884 г. отменил эту процедуру и предписывал избрание ректора Министром Просвещения с последующим утверждением Высочайшим приказом на 4 года. Ректор мог быть оставлен на новый срок с Высочайшего соизволения.

К сожалению, нет достаточно надежных статистических данных о численности лиц, окончивших вузы до 1917 г. В. И. Жуков в своей монографии «Российское образование: истоки, традиции, проблемы» приводит примерные подсчеты: государственные вузы выпустили с начала XX в. по 1917 г. 120 000 специалистов, общественные и частные – 30 000 [4, с. 201]. По-видимому, эти подсчеты (по разным источникам) близки к фактической реальности. В Российской империи накануне первой мировой войны приходилось только 8 студентов на 10 000 человек населения [2, с. 218]. По этому показателю Россия уступала Австрии, Германии,

Франции (соответственно 14, 12, 11), Японии (11). Запросы российского общества были значительно выше. Но они наталкивались на инертность царского правительства. К тому же для абсолютно большинства населения высшее образование было недоступно из-за бедности и крайне низкой общей образованности.

Далеко не всем студентам удавалось дойти до благополучного финала. Высок был отсев. По моим подсчетам (соотношение численности набора и выпуска через 4 года), в среднем по университетам – до 40 %. Главным образом из-за недостаточности средств, но и по неуспеваемости, длительным пропускам занятий. Были и случаи массового отчисления студентов по политическим мотивам. В 1911 г. по распоряжению Министра Просвещения Л. А. Кассо из Московского университета было одновременно исключено около 1000 студентов. В знак протеста о своей отставке заявили 130 профессоров, приват-доцентов и ассистентов. Ушел в отставку и ректор А. А. Мануйлов [4, с. 176]. В 1910–1912 гг. наблюдался подъем студенческого революционно-демократического движения.

Профессорско-преподавательский корпус в российской высшей школе был небольшим. По подсчетам А. Е. Иванова, он составлял 4477 человек в 1913/14 учебном году [3, с. 208]. Эти подсчеты дали автору добротной монографии очень тяжело, ибо официальная статистика учета этой категории не имела. Преподаватели не только вели учебный процесс, но и научные исследования. Их продвижение по службе (научно-педагогическая карьера) строго регламентировалось. Статья 98 Устава 1884 г. предписывала: «Повышение экстраординарного профессора в обычные производится Министром Народного Просвещения по представлению попечителя учебного округа. Повышение его совершается только на открывшиеся вакансии». Для получения профессорского звания необходимо доказать способность к преподаванию не менее трех лет (статья 99). Профессорско-преподавательский состав (ППС) вузов являл собой главную научную силу России, органически взаимодействуя с Императорской Академией наук. Многие университетские, вузовские ученые были хорошо известны мировому научному сообществу, работали в европейских вузах. Известный русский историк и социолог М. М. Ковалевский (его учеником был будущий профессор ВГУ Илья Николаевич Бороздин) создал в Париже первую в Европе школу социологов. В России этого сделать он не мог.

Великая Октябрьская революция не разрушала, вопреки неолиберальным и псевдодемокра-

тическим мифам, высшее образование, а преобразовывала его. Преобразования были глубокие, масштабные, но они вбирали прошлые его достижения, положительный опыт. Между прочим, в этом их существенное отличие от так называемых реформ в начальные полтора десятка лет нового столетия, которые принципиально были ориентированы на отрицание всего советского опыта.

Основные направления преобразования высшего образования, обусловленные Октябрьской революцией, сформировались в первые годы Советской власти в ходе жестокой гражданской войны и видоизменялись, развивались в последующем. Преобразование и развитие шли через объективные противоречия и субъективные конфликты. Предварительно следует заметить: революция могла осуществляться иначе, пойти по другому пути. Вопреки псевдоисторическим суждениям большевики, и прежде всего В. И. Ленин, не были безусловными сторонниками военно-силового решения вопроса о власти. В. И. Ленин с апреля и до сентября стремился к мирному исходу этой острейшей конфликтогенной проблемы. Лозунг гражданской войны был снят [5, т. 31, с. 264, 350, т. 32, с. 27]. Даже в сентябре 1917 г. он писал в статье «Задачи революции» о последнем шансе «обеспечить мирное развитие революции» [5, т. 34, с. 200–201, 237]. История «распорядилась» иначе. Обстоятельный анализ ленинской позиции между февралем и октябрём 1917 г. дан на основе документов и реальных фактов в монографии В. Логинова «Ленин в 1917 г. На грани возможного» (М.: Алгоритм, 2016).

Основными направлениями преобразования стали:

- демократическое расширение доступности высшего образования, снятие всех социальных, демографических и религиозных (по вероисповеданию) ограничений;
- расширение сети высших учебных заведений по всей территории страны и для всех национальностей;
- превращение высшей школы в единую государственную систему;
- постепенный переход к бесплатному (для студентов и аспирантов) высшему образованию и его бюджетному финансированию;
- изменение социальных функций высшей школы, гармонизация общественных, государственных и личных интересов в подготовке специалистов;
- гуманизация высшего образования, обеспечение единства профессиональных, этических и гражданских аспектов подготовки специалистов;

– обеспечение единства педагогической и научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава;

– непрерывное и целенаправленное повышение социальной эффективности высшего образования как фактора развития общества и личности, обеспечения суверенности и безопасности государства.

Становление и развитие новой системы высшего образования, ее инструментальной структуры и социального смысла, программ и организации учебного процесса и научных исследований проходило в сложных условиях, и конечно, не обошлось без ошибок, перегибов, глупостей, которых, по словам Ленина, немало творится в революциях. Отягчающими факторами в первое послеоктябрьское десятилетие были: гражданская война, экономическая разруха, низкий уровень общей образованности населения, его бедность. Эмиграция значительной части научной интеллигенции обострила дефицит профессорско-преподавательских кадров. Предельно острыми и часто деструктивными были идейные столкновения. Выявлялись и приобретали политический характер обычные в трансформационных обстоятельствах и процессах конфликты между старым и новым в руководстве, в методах и принципах преподавания, в притязаниях на условия и средства жизнедеятельности, в обращении с изменившимся составом студенчества, во взаимодействии с органами государственной власти.

Создание в Воронеже университета на базе эвакуированного из Юрьева в 1918 г. отнюдь не было эксклюзивным эпизодом в годы гражданской войны. Еще не окрепшая Советская власть в тяжелых финансово-экономических и социально-конфликтных условиях смело, но целенаправленно открывала новые высшие учебные заведения и реанимировала дореволюционные. Если в Российской империи (в границах 1939 г.) в 91 вузе обучалось 112 тысяч студентов (в границах до 1991 г. – соответственно 105 и 127,4 тысячи), то в 1927/28 учебном году в 148 вузах обучалось 168,5 тысяч юношей и девушек [2, с. 213]. Впервые были открыты вузы в Белоруссии (4), Узбекистане (3), Казахстане (1), Азербайджане (3), Армении (2). На Украине было создано 12 новых вузов, в Грузии – 5, в РСФСР – 18 [2, с. 217]. Идеи Великого Октября, заложенные в государственную политику, действительно откликнулись на глубокие социокультурные потребности экономики и запросы широких народных масс.

Отмена демографических, этно-конфессиональных ограничений и запретов вызвала высо-

кую волну прилива молодежи, особенно женщин, в вузы. Менялся социальный состав студенчества. Следует заметить, что никаких сословно-классовых ограничений в первом десятилетии Советской власти юридически не было. Совнарком в своем Постановлении от 2 августа 1918 г. «О приеме в высшие учебные заведения» отдавал предпочтение пролетариату и беднейшему крестьянству. Но только преимуществу. И это понятно: Советская власть как рабоче-крестьянская стремилась дать высшее образование тем социальным классам, которые вплоть до революции такой возможности практически не имели. Упрекать Советскую власть в злоупотреблении «классовым подходом» несправедливо. Постановление Совнаркома формулой о преимуществах рабочих и крестьян не лишало права на высшее образование тех не массовых слоев, у которых ранее возможности были широкие.

Можно проанализировать социально-стратификационный и демографический состав студенчества Воронежского университета конца 20-х гг. прошлого века. Такую возможность предоставили его студенты. В 1927 г. группа студентов-экономистов под руководством профессора А. Н. Татарчукова (павшего жертвой сталинских репрессий в конце 30-х гг.) провела научное исследование и издала в 1928 г. солидную брошюру «Материальное положение студентов Воронежского университета» (57 страниц плюс 4 страницы предисловия А. Н. Татарчукова), тираж 560 экземпляров. Несмотря на некоторые простительные несовершенства (с точки зрения современной социологии), исследование представляет определенную ценность, научную и особенно житейскую. Брошюра характеризует социальный и демографический состав студентов ВГУ. Данные достоверны, статистически корректны и не вызывают социологических сомнений. Студенты-экономисты хорошо владели тогда методами социологического сравнительного анализа, сопоставления с эмпирическими материалами из других университетов и иных исторических времен. Хорошо их учил профессор А. Н. Татарчуков, по сути дела первый социолог ВГУ.

Всего на начало 1927/28 учебного года в Воронежском университете обучалось 2102 студента. Из них 1028 (48,9 %) женщин и 1074 (51,1 %) мужчин. В минувшем 1926/27 учебном году женщин было больше – 52,9 %. Но в наборе к сентябрю 1927 г. мужчин оказалось значительно больше (54,3 %), поэтому доля женщин в общем контингенте студентов несколько сократилась [6, с. 1–2].

Т а б л и ц а 1

*Социальный состав студентов Воронежского университета
(на начало 1927/28 учебного года), в % [6, с. 5]*

Рабочие и дети рабочих	Крестьяне и дети крестьян	Служащие и дети служащих	Лица интеллектуального труда и дети лиц интеллектуального труда	Прочие
13,5	37,9	33,1	13,8	1,7

Доминировало крестьянство; это естественно: ВГУ был создан в аграрной Центрально-Черноземной зоне, в которой оно составляло большинство населения. Доля рабочих была небольшой, фактически равной с долей лиц интеллектуального труда. Рабочие и крестьяне (по занятости и происхождению) составляли большинство – 51,4 %. Численность и доля рабочих резко упала в ноябре 1926 г., хотя заметно росла до 1925 г. (16,3 %). Исследователи объясняют такое сокращение переходом на конкурсную процедуру набора. Рабочие с их уровнем общего образования не выдерживали состязание в знаниях с представителями служащих (47,1 %), несмотря на официально предоставленные Постановлением Совнаркома преимущества [6, с. 7]. Используя данные по переписи студентов в 1907 г. в Юрьеве, молодые исследователи приводят статистические сведения о сословном составе студенчества Юрьевского университета. Оказывается, в его составе 48,79 % было из духовенства, а 26,65 % «высшие» (вероятно дворянство) сословия [6, с. 5]. Данные о рабочих и крестьянах не представлены.

Социальный состав студенчества Воронежского университета можно сопоставить с показателями сословной принадлежности обучающихся в российских университетах в 1916 г. (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Социальный состав студентов университетов в 1916 г., в % (округленно) [3, с. 268]

№ п/п	Сословия	1916 г.
1	Потомственные дворяне	5,0
2	Сыновья личных дворян, чиновников, офицеров	29,0
3	Из духовного звания	10,0
4	Сыновья почетных граждан и купцов	12,0
5	Сыновья мещан и цеховые	25,0
6	Казачи	1,0
7	Крестьяне	13,0
8	Иностранцы	1,0
9	Прочие	3,0

Социально-стратификационные группы в этой таблице сформированы по сословиям, а не по классам, тем не менее очевидно, что в университетском студенчестве до революции 1917 г. более всего было представителей «высших» сословий и богатых семей. Оно по своему составу, да и по социальному поведению, как-то демократизировалось. Однако только Октябрьская революция широко открыла двери трудовому населению. В 1926 г. ЦСУ провело анкетные выборочные исследования 14 вузов. Исследователи ВГУ под руководством А. Н. Татарчукова используют данные этих выборок [6, с. 6]. Оказалось, что доля рабочих в обследованных ЦСУ вузах больше, чем в ВГУ, и составила 27 %, ниже доля служащих (по занятости и происхождению).

Обследование материального положения студентов ВГУ выявило их бедственное положение. Одна четверть из них обеспечивала свое обучение постоянной работой. Больше всего самостоятельно зарабатывающих было на 4-м, завершающем, курсе – 30,2 %. Получали стипендию 27,2 %, пособие по безработице – 2,5 %. В обследованных ЦСУ вузах процент стипендиатов был намного выше – 61,69 %, а самостоятельно зарабатывающих меньше – 19,4 % [6, с. 9, 10]. Для некоторой части студентов ВГУ (335 человек, 15,9 %) обучение было платным. Плату вносили те, в чьих семьях доход на одного человека был более 80 рублей в месяц или заработок составлял 110 рублей. Плата за полугодие составляла 19 рублей [6, с. 16]. Обычная стипендия – 20 рублей.

Уровень образования рабочих и крестьян далеко не всегда соответствовал необходимым для обучения в университете знаниям. Многие не имели достаточного среднего образования, в гимназиях не обучались, да и в реальные училища попадало мало детей рабочих. У многих к тому же был большой перерыв (из-за войны и экономической разрухи) между завершением среднего образования и поступлением в вуз. Социологическое обследование показало, что 40 % студентов ВГУ были в возрасте 25 лет и старше, а 9,1 % (191 человек) перешагнули 30-летний рубеж. Великовозрастные имели большой жизненный опыт, в том числе и гражданской войны, но обветшавшая ког-

нитивная база затрудняла восприятие и усвоение университетских наук. Все это усложняло учебный процесс, продвижение студентов в образовательном процессе, ставило профессорско-преподавательский состав в крайне тяжелые, часто конфликтные и конфузливые ситуации. Приходилось упрощать научный материал в преподавании.

С целью подготовки рабочих и крестьян для поступления в вузы и тем самым создания лучших условий для повышения качества обучения Наркомпрос СССР постановил 1 января 1919 г. создать в Москве 13 курсов по подготовке рабоче-крестьянской молодежи к поступлению в вузы. В январе 1920 г. последовало постановление о создании аналогичных курсов в России. Так возникли знаменитые рабфаки, уникальное явление в мировой вузовской практике. Срок обучения составлял 3 года, на вечерних отделениях – 4 года. Рабфаки сыграли ни с чем не сравнимую роль в нашем образовании, в социокультурном развитии массовых слоев молодежи. Без них не было бы тех достижений, с которыми СССР, в том числе Россия, пришел к исходу 1930-х годов.

Уже в 1939 г. СССР занял ведущее место в мире по количеству студентов, обогнав все европейские государства. Улучшилось материальное положение вузов, хотя до желаемого было далеко, но перспективы обнадеживали. Это положительно сказалось на студенчестве, да и на профессорско-преподавательском составе. В 1940/41 учебном году в 817 вузах обучалось 811,7 тысячи студентов, из них на дневных отделениях 558,1 тысяч [2, с. 214]. Более 90 % получали стипендии. СССР полностью перешел к бесплатному высшему образованию, т.е. все студенты учились за счет госбюджета.

Вторая мировая война нанесла жестокий удар по высшей школе, ее материальной, научно-лабораторной базе, профессорско-преподавательскому составу, студенчеству. Сократилось количество вузов. В 1945/46 учебном году в 789 вузах обучалось 730,2 тысячи студентов [2, с. 213]. Уходя из оккупированных европейских стран, гитлеровские войска не взрывали университеты (те страдали от бомбежек и мародерства), а в России, Белоруссии, Украине взрывали и грабили. Поэтому восстановление высшей школы в европейской части России, включая Воронеж, было чрезвычайно тяжелой проблемой. Острейший дефицит материальных фондов, оборудования, приборов, финансов в какой-то мере компенсировался самоотверженностью вузовских коллективов, но понуждал ввести частичную оплату обучения. С 1948 по 1953 г. я учился в ВГУ на частично платной основе. Но парадокс заключался в том, что, получая стипен-

дию 385 рублей (повышенная на 4–5 курсах), за обучение я платил 400 рублей в год. С сентября 1953 г. платность высшего образования отменили, госбюджетное финансирование увеличилось.

Социальный эффект высшей школы зависит не только от количества вузов и численности обучающихся, но и от содержания образовательных программ. Существенным принципом Советской высшей школы, ее императивом было постоянное стремление всесторонне учитывать, с одной стороны, достижения науки, а с другой – запросы экономической и социальной практики. Направления подготовки молодых специалистов становились все более разнообразными. Программы подготовки наполнялись достижениями не только отечественной, но и зарубежной науки, усиливались ориентации на связь с производством и социальной практикой. Российское высшее образование и до революции отличалось повышенной склонностью к фундаментальной научно-теоретической подготовке специалистов. Практика 30-х и последующих десятилетий потребовала усилить внимание к прикладным наукам, к технологии практической деятельности специалиста. Образовательные программы усложнились.

В дореволюционное время, да и в первое десятилетие после Октябрьской революции, сроки обучения в вузах укладывались в 4 года (в медицинских институтах несколько больше). Но эти сроки уже не соответствовали возросшему объему необходимых знаний, объему научной информации и требованиям к подготовке специалистов. Было принято решение увеличить сроки обучения до 5 лет в большинстве вузов. Это, естественно, потребовало увеличения госбюджетных расходов. Государство пошло на это. Обеспечение научной основательности и практических качеств подготовки специалистов выше, важнее бухгалтерских подсчетов и финансовых расходов. Экономия на образовании может обратиться не только интеллектуальными, но и финансовыми потерями и, более того, ослаблением человеческого фактора цивилизованного развития в усложняющемся мире, в инновационной технологии «экономики знаний».

Идеи и импульс Великого Октября, перестраивая высшую школу, осуществили крутой поворот ее к народу, поднимая к высшему образованию массовые слои трудящихся и превращая его, наряду с наукой, в ведущий фактор развития страны. Росла насыщенность экономики, социальной сферы, управления квалифицированными специалистами. С 1918 по 1928 г. в среднем ежегодно в профессионально-трудовую деятельность включалось более 30 000 выпускников вузов, всего за десятилетие – 340 000. В последующие годы ана-

логичные показатели росли высокими темпами: в 1929–1932 гг. ежегодно – 42 500, в 1933–1937 гг. – 74 000, в предвоенные годы – 109 000 [2, с. 248]. Таких темпов не знала мировая практика. И все же специалистов с высшим образованием не хватало не только в народном хозяйстве, но и в управлении, в высшем круге политического руководства.

Динамика высшего образования в послеоктябрьское время долгие десятилетия осложнялась теми конфликтами, которые возникали и деструктивно развивались в определенные периоды в идейно-политической сфере. Тезис Сталина о неизбежности обострения классовых борьбы по мере завершения строительства социализма мотивировал репрессии, которые обрушились на высшую школу, на ее профессорско-преподавательский состав, студенчество, обслуживающий персонал. Более всего от репрессий и идеологического остракизма страдали представители гуманитарных и общественных наук: историки, философы, экономисты, филологи. Социологию вообще запретили, а выдающего социолога П. Сорокина в 1922 г. выслали (он стал одним из крупнейших организаторов подготовки социологов в США). В 1929–1930 гг., еще до массовых репрессий, по доносу так называемой красной профессуры были арестованы крупные историки мирового уровня С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Н. В. Измайлов, Н. П. Лихачев и др. (всего более 150). Через некоторое время многих, по указанию Сталина, освободили и восстановили в правах. Впоследствии стали лауреатами Сталинской премии Е. В. Тарле (трижды), С. В. Бахрушин. Но многие не вернулись. Под репрессии попали и доносчики, действовавшие под прикрытием заместителя наркома просвещения историка М. Н. Покровского. Зависть бесталанных псевдоученых – один из мотивов и факторов организации идеологического остракизма, которые использовали репрессивные органы НКВД в центре и на местах. Это наблюдалось и в Воронежском университете [7]. Гибли и дискредитировались научно-педагогические кадры. Конфликты, склоки, доносы, клевета отравляли моральный климат в вузовских коллективах и не только не способствовали, но подрывали научно-педагогическую работу, учебный процесс, научные исследования, извращали общение преподавателей и студенческих сообществ, вузовских коллективов с властными структурами.

Иррациональность атмосферы, личные драмы и трагедии того времени достоверно исследовал и описал профессор М. Д. Карпачев в монографии «Воронежский университет: вехи истории», в главе «Трагические страницы исто-

рии» [3, с. 224–315]. Анализируя морально-политическую обстановку в Воронежском университете в 1937 г., исследователь делает фактически и документально обоснованный вывод: «Борьба с “врагами народа” грозила превратиться в хроническую истребительную кампанию» [там же, с. 260]. После ликвидации наркома внутренних дел Н. И. Ежова (разоблаченного как «враг народа») обстановка несколько смягчилась, но напряженность осталась.

Какое отношение репрессивная практика имела к целям, идеалам Великой Октябрьской революции? Крайне сложный и предельно идеологически запутанный вопрос. К ее столетию сложились три основные точки зрения: 1) репрессии – прямое продолжение революции, насильственной и деструктивной по своей природе; 2) репрессии – следствие сталинского извращения идей и принципов Великого Октября; 3) репрессии – вынужденный способ защиты революционных завоеваний, в них, может быть, и не было необходимости, но они были неизбежны из-за контрреволюционного сопротивления становлению нового, социалистического общества.

Тема статьи «Октябрьская революция и высшее образование» не дает возможности уклониться от «злого» вопроса, прикрывшись бесспорной формулой: Великая Октябрьская революция открыла такую широкую дорогу (и к тому же бесплатную) для «проезда» народным массам, какую и для которых до нее не открывали никакие революции и реформы. Это очевидно и статистически доказуемо. Однако репрессии и идейно-политический остракизм были. И они выкашивали научно-педагогические кадры, ряды студенчества, вузовские коллективы и предельно затрудняли (но не останавливали!) плодотворные образовательные, исследовательские, социокультурные процессы.

Все три указанные точки зрения содержат в себе некую историческую правду, но не абсолютную истину; каждая из них односторонне и идеологически заострена. Любая революция, всякая реформа осуществляются не сами по себе. Их делают люди, в той или иной своей массе обладающие определенными, исторически сформировавшимися качествами, свойствами – социокультурными, интеллектуальными, морально-психологическими, – ментальностью мышления, действия, социальных устремлений и ожиданий. Революции, реформы, будучи исторически назревшими, в своем осуществлении зависят от этих качеств и свойств. К тому же, как заметила известная философ второй половины XX в. Хана Арентс, «ничто, в самом деле, не представляется более естественным,

чем то, что революция должна быть predetermined тем типом правления, который она свергает» [9, с. 227]. Движение русской революции от Февраля к Октябрю подтверждает этот исторический закон. Великая Октябрьская революция подняла (а они ее подняли) к социальному свободному творчеству огромные народные массы, отнюдь не однородные (в большинстве своем крестьяне). Различные политические партии – кадеты, эсеры, социал-демократы (большевики и меньшевики) и др. – боролись за массы. Что бы ни говорили противники – прошлые и нынешние – массы в своем деятельном большинстве пошли за большевиками, которые точно выразили их социальные устремления: власть Советам (т.е. самоорганизации рабочих, крестьян, солдат), мир народам, землю крестьянам, рабочий контроль на фабриках и заводах. Никакая другая партия такого комплекса демократических требований трудовых слоев населения не выражала. Гражданская война с ее огромными жертвами, в которых исторически повинны все политические силы, не развела, а сблизила трудовые массы с большевиками. А вот далее, в послеоктябрьское время, в социально-историческом процессе проявились в действии два фактора: императив защиты революции, который не всякая революция выдерживает, и потенциальная, но очень реальная опасность деградации политических сил, за которыми пошли массовые слои народа. На эту опасность Ленин указывал. Эта опасность была тем более реальна, что технологической концепции строительства нового общества, социализма, у них не было. Были общетеоретические понятия. После окончания гражданской войны Ленин искал конкретные методы и пути движения к социализму (НЭП, размышления о кооперации, об экономическом укреплении рабочего класса и крестьянства, об опасности раскола в политическом руководстве, о повышении не только грамотности, образованности населения, но повышении политической культуры). Далеко не все в РКП разделяли в то время его концептуальные искания. После его кончины явно произошел левацко-радикалистский сдвиг в РКП. Политическое руководство впало в свои контрпродуктивные распри, оказалось несостоятельным в научно-теоретическом и социально-практических отношениях, подменяя научный анализ групповыми идеологиями и усердно клянясь в верности догматически трактуемому марксизму. Об опасности догматизировать худо понимаемую теорию К. Маркса Ленин тоже предупреждал. Деградация – интеллектуальная и этическая – властных и околовластных структур порождала и раскручивала умонастроения и практику репрес-

сий «в защиту завоеваний Великого Октября». Не случайно жертвами репрессий стали, прежде всего, активные участники Октябрьской революции. Радикал-революционеры спекулировали на стихийных иррациональных комплексах, внедряя в массовое сознание идеологему «враги народа». Не Октябрьская революция, а деградация и примитивизация культуры властвования на ее центральных и региональных уровнях обусловили тяжелую цену за попытку построить справедливое общество. В несколько ином варианте то же самое случилось с Великой Французской революцией. Метафора «революция пожирает своих детей» практически скрывает реальные причины, обстоятельства социально-политических субъектов, увлеченных «спасительным насилием» с его псевдореволюционной романтикой.

Историю Великой Октябрьской революции, манифестирующей себя как социалистическая, нельзя оглуплять как народное действие. Ее надо видеть, анализировать и признавать во всех ее противоречиях, конфликтах как реальный исторический процесс. А разум и глупость, подъем народных масс и промахи незрелой мысли – реальные факторы любых масштабных исторических процессов. Между прочим, и демократия не гарантирует защиту от политической примитивизации властвования. Октябрьская революция могла разворачиваться иначе. Но иные вероятности оказались перекрытыми политическими силами как старой, свергнутой в феврале 1917 г. власти, так и бездеятельного временного правительства, оказавшегося исторически неспособным решить насущные проблемы широких социальных слоев кризисного российского общества.

Импульс Великой Октябрьской революции – источник коренного поворота высшего образования от привилегированных и высоко обеспеченных слоев российского общества к широким демократическим массам. Высшее образование превратилось в мощный фактор социально-культурного развития СССР, России в системе индустриальной цивилизации. Без масштабного, интенсивного и социально-эффективного качества высшего образования СССР не превратился бы во вторую сверхдержаву мира. Даже в так называемые застойные годы (очень лукавый термин) высшее образование развивалось и количественно, и институционально-структурно. Воронежский университет находился на передовых позициях в этом процессе. Были и ошибки, перекосы, неудачные решения усложняющихся проблем в материально-техническом оснащении, в разработке образовательных программ, особенно по новым направлениям. Корень их чаще

всего – в недостаточно компетентном руководстве сложными процессами соотношения образования и науки, деятельности вузов и потребностей экономической и социокультурной практики. Один из парадоксов 1970-х гг. и последующего десятилетия заключался, между прочим, в том, что в плановом народном хозяйстве тогда так и не нашли методов прогнозирования потребностей в специалистах с высшим образованием и методов планирования на этой научной базе деятельности высшей школы. В 1970-х гг. советская пропаганда гордо заявляла, что в СССР вузы готовят в 4 раза больше инженеров, чем США. В самом деле, в США в 1975 г. вузы подготовили 55 тысяч инженеров, а в СССР – 303 800, т.е. в 5,5 раз больше [2, с. 288]. Но экономический, технико-технологический эффект использования инженеров был в США намного выше. Было бы куда эффективнее увеличить у нас подготовку техников и рабочих со средним техническим образованием. Высшие школы СССР и России не выпускали или готовили крайне мало специалистов по биотехнологии, информатике, кибернетике, социологии, менеджменту. Инженеров часто обучали на устаревшей технике, по устаревшим технологическим схемам. Когда в Воронеже на ряде предприятий стали внедрять станки с числовым программным управлением (ЧПУ) в конце 1960-х – начале 1970-х гг. (СССР обгонял по выпуску этих станков США), то возник дефицит инженеров по наладке и эксплуатации ЧПУ; рабочих подготовили быстрее.

Когда распался Советский Союз и экономика застопорилась и впала в глубокий кризис, инженеры, подготовленные в наших вузах, оказались остро и плодотворно востребованы в США и в Германии.

1990-е гг. были сумбурным временем для высшей школы, как и для всей страны, которая действительно нуждалась в демократических реформах. Ухудшилось финансирование; месяцами не выплачивались зарплаты профессорско-преподавательскому составу, учебно-вспомогательному и обслуживающему персоналу, стипендии; не хватало средств на поддержание учебных корпусов в надлежащем порядке. К 1995 г. численность студентов уменьшилась на 7,5 %. Но в 2001/02 учебном году выросла на 16,4 %. Главным образом за счет негосударственных вузов, которые бурно открывались чаще всего без достаточного материального и кадрового обеспечения в коммерческих целях. До 1992 г. их не было, но уже в 1994/95 учебном году их стало 157, через 10 лет – 413 [10, с. 142]. Резко возросла педагогическая нагрузка на преподавателей. Если в начале 1990-х гг. показатель численности студентов на одного препода-

вателя составлял 10,6, то в 2001/02 учебном году – уже 16,1 и продолжал расти [рассчитано мной по: 10, с. 143]. Менялись учебные программы, которые по-разному составляли сами кафедры. Эта работа не входила в расчет нагрузки, хотя требовала квалифицированного научно-педагогического труда. Сложившаяся в советское время научно-педагогическая общественность еще держала качество преподавания на достаточно высоком уровне. Но опасность его снижения становилась все более и более реальной. Отчетливо выявлялись тенденции сокращения и ослабления роли государства в сфере высшего образования. Коммерциализация захлестывала высшее образование не только в его негосударственном сегменте, но и в государственных вузах. Повышалась плата за обучение. Во многих государственных вузах на платной основе обучается не менее 60 % молодых людей. Высшее образование рискует стать доступным преимущественно для детей из высокодоходных семей. Вряд ли это демократично. Качество высшего образования падает. Этот негативный процесс стал общекризисным и в вузовской общественности, и в бизнес-структурах. Переход на многоступенчатую систему его не остановил, а на уровне бакалавриата усилил. Те качественные и многообещающие сдвиги, которые отчетливо выявлялись и в вузах, и в государственной политике, утрачиваются. Восстановить теряемое качество и социальную справедливость внекоммерческой доступности высшего образования будет трудно, но судьбоносно необходимо. Роль высшего образования, его масштабность, качество в конкурентоспособности стран и государств, в динамике нового витка цивилизационного развития возрастают и будут возрастать. Импульс и идеалы Великой Октябрьской революции при всей ее конфликтности вывели в тяжелых обстоятельствах XX в. высшее образование, как и всю систему образования России, на самые передовые позиции в мире. Не откатиться бы на периферию в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С. Л. Крушение миров / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990.
2. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. – М. : Статистика, 1977.
3. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР. Институт истории, 1991.
4. Жуков В. И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы / В. И. Жуков. – М. : Издательско-книготорговый центр «Маркетинг» ; Изд-во МГУ «Союз», 2001.

5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.

6. Материальное положение студентов Воронежского университета / под ред. и с предисловием А. Н. Татарчукова. – Воронеж, 1928.

7. Воронцов А. «Дело историков» и его подоплека / А. Воронцов // Литературная газета. – 2017. – 5–11 апреля. – С. 4–5.

8. Карпачев М. Д. Воронежский университет : вехи истории, 1918–2013 / М. Д. Карпачев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.

9. Арндт Х. О революции / Х. Арндт. – М. : Европа, 2011.

10. Россия в цифрах – 2008 : стат. сб. – М. : Росстат, 2008.

Воронежский государственный университет

*Рахманин В. С., доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и политологии*

Voronezh State University

*Rakhmanin V. S., Dr. Habil. in Philosophy, Professor
of the Sociology and Politology Department*